

«срамили» императора³³. Религиозную политику Анастасия не одобряли даже ближайшие его родственники: императрица Ариадна³⁴, невестка Магна³⁵, племянники Ипатий и Помпей. Ипатий, например, отказался от общения с Севером и пожаловал 100 либров золота ортодоксальным монахам³⁶. Много претерпели от императора Помпей и его жена Анастасия, которые поддерживали отношения с изгнанным патриархом Македонием³⁷. Открыто выступила против монофиситства известная патрикия Юлиана, принадлежавшая со стороны отца к старому аристократическому роду Анициев, а со стороны матери — к дому Феодосия³⁸. Даже ближайший сподвижник императора его земляк Целер не был настроен в пользу Анастасия³⁹.

Приведенные выше сведения исходят главным образом от ортодоксальных авторов, но они находят подтверждение и в других источниках. Так, значительный интерес представляет переписка папы Гормизды с патрикиями Юлианой Аницией, Анастасией, Палмацией, Помпеем, Целером. Все письма проникнуты стремлением установить прочный союз Рима с Константинополем в вопросах веры⁴⁰, и это, бесспорно, лишний раз подчеркивает ортодоксальность аристократии столицы и ее несогласие с монофиситской политикой Анастасия.

Примечателен и тот факт, что сенат после вступления на престол Юстина сразу же принимает активное участие в религиозной политике ортодоксального императора. В марте 519 г. папских легатов отправились встречать Юстиниан, Виталиан, Целер, Помпей и другие сенаторы⁴¹. Юстин принял послов папы в присутствии сената⁴². Тогда же, в марте 519 г., аристократия была на заседании константинопольского духовенства во главе с патриархом, где обсуждались папские предложения⁴³. Затем в присутствии императора, сената и духовенства патриарх Иоанн подписал грамоту папы⁴⁴.

О том, что отношения Анастасия и сенаторов были мирными, нельзя заключить и на основании другого источника, в своем отношении к императору полярно противоположного ортодоксальным авторам, особенно Феофану. Речь идет о монофиситском хронисте Захарии Риторе, настолько пристрастном, что даже народное восстание 512 г. он изображает как мятеж, подготовленный кучкой монахов⁴⁵. Тем не менее Захария ничего не говорит о добровольной поддержке сенатом императора Анастасия, который в надежде получить эту поддержку либо подкупает патрикиев подарками, либо стремится их разжалобить своими рассказами о несправедливости Македония⁴⁶.

³³ *Theoph.*, p. 161.

³⁴ *Theodor Lect.*, p. 398; *Theoph.*, p. 155, 159; Житие св. Савы Освященного. СПб., 1890, стр. 284.

³⁵ *Theodor Lect.*, p. 397; *Theoph.*, p. 153.

³⁶ *Theoph.*, p. 159.

³⁷ *Ibid.*, p. 158. Ср.: Житие св. Савы, стр. 284.

³⁸ *Ibid.*, p. 157—158; Житие св. Савы, стр. 284.

³⁹ *J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1762, VIII, col. 448, 495.* Возможно, что это и есть тот самый магистр, который разделял взгляды Македония, о чем сообщает Захария Ритор: *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte*, ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1899, VII, 7, 8.

⁴⁰ *Mansi*, VIII, col. 448, 449, 458, 459, 465, 466, 495.

⁴¹ *A. A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great.* Cambridge, Mass., 1950, p. 175.

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Ibid.*, p. 176.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 177.

⁴⁵ *Zach. Rhet.*, VII, 7.

⁴⁶ *Ibid.*, VII, 8. Захария рассказывает один раз о заседании сената (сеналция и конвента), но он опять-таки приводит речь лишь Анастасия, хотя согласно 62-й новелле, синклитики сами должны были выносить предварительное решение, а император впоследствии или одобрял или отвергал его. Ср.: *Malal.*, p. 438—439. Но о реакции сената Захария ничего не говорит.